

I. ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н. Белянин

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО УСТРОЙСТВУ «НЕПРИЧИСЛЕННЫХ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Рассматривается проблема непричисленных переселенцев в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. На основе архивных источников, впервые введенных в научный оборот, автор исследует правительственные мероприятия по устройству самовольных переселенцев.

Ключевые слова: непричисленные переселенцы, столыпинская переселенческая политика, Западная Сибирь.

Во второй половине XIX в. размеры крестьянских переселений значительно выросли. Особенно заметным был рост переселений после постройки Сибирской железной дороги. По оценкам многих специалистов, в большей степени это было самовольное переселение. По оценкам Г.Ф. Чиркина, с конца 50-х до начала 80-х гг. XIX в. самовольное переселение вообще было почти единственной формой русской колонизации. Из переселившихся за Урал в 1881–1889 гг. 65–75% шли самовольно [1. С. 87, 89]. Подобное положение стало следствием неоднозначной политики правительства. С одной стороны, закон 1889 г. был явно ориентирован на развитие и стимулирование переселений, с другой – в реальности переселенцев ожидали значительные трудности при получении разрешения на переселение. Так, 14 декабря 1896 г. вятский губернатор в докладе отмечал, что из 100 семей, подавших прошения о переселении в Сибирь, Губернское присутствие удовлетворило лишь 18, но и этим 18 семьям было объявлено, что в текущем году они переселиться не смогут, так как запас земель для переселенцев истощен [2]. В 1903 г. было отказано в переселении в Туркестанский край крестьянину А. Синицыну и крестьянке Е. Гулиной из Пермской губернии. Даже в случаях, когда крестьяне желали переселиться из одной сибирской губернии в другую, со стороны администрации могли возникнуть возражения [3].

Росло число самовольных переселений. Так, в 1896–1905 гг. в пределы Томской губернии (по моим подсчетам) проследовало 443 147 переселенцев, из которых только 276 462 имели проходные свидетельства [4. С. 56]. В результате на рубеже XIX–XX вв. в Западной Сибири сложилась значительная по численности категория «неустроенных» переселенцев из числа тех, кто не смог (не

захотел) устроиться на переселенческих участках и не получил официального приемного приговора от старожильческих обществ. По данным Г.П. Жидкова, к 1906 г. только на Алтае было около 200 тыс. переселенцев, живших без причисления [5. С. 199]. Многочисленные ведомственные циркуляры и распоряжения, касающиеся таких неустроенных переселенцев, также носят двойственный характер. Например, Тобольский губернатор в 1894 г. издал предписание, где предлагал крестьянским чиновникам «безотлагательно приступить к водворению на переселенческих участках» всех самовольных переселенцев, как прибывших в 1893 г. и 1894 г., так и тех, кто еще может прибыть до 1 января следующего года [6. С. 93–94]. В том же году МВД издало конфиденциальное предписание губернаторам, где подчеркивалось, что самовольные переселенцы «должны быть задерживаемы и возвращаемы по этапу на родину». Двойственность этого документа особенно подчеркивается тем, что тремя строчками ниже говорится о возможности проявлять к самовольным переселенцам заботу. Ранее в том же документе есть разрешение губернаторам устраивать на свободных участках тех переселенцев, которые направлялись в «более отдаленные места Сибири», но по каким-либо причинам прекратили свой путь [7]. Также неоднозначным по смыслу выглядит и постановление Томского губернского управления от 15 апреля 1896 г. о борьбе с самовольным водворением в Алтайском округе [6. С. 96–98]. Несмотря на отсутствие ясного, прописанного правительственного курса, по данным Г.П. Жидкова, в 1896–1899 гг. на Алтае было наделено земель 184 тыс. переселенцев из числа самовольных [8. С. 374]. Положением от 26 апреля 1906 г. крестьяне и мещане, самовольно переселившиеся в Змеиногорский и Кузнецкий уезды Алтайского

округа, подлежали причислению по местам их водворения [9. С. 52].

Политика массовых переселений правительства П.А. Столыпина привела к росту самовольных переселений и к увеличению числа неустroенных. Так, в 1906–1914 гг. в Тобольскую губернию самовольно проследовало 52 699 человек [10; 13]. В Томскую губернию только в 1906–1909 гг. без проходных документов (т.е. самовольно) проследовало, по моим подсчетам, 362 625 человек [4. С. 56–57], а на 1 июля в Томской губернии проживало 224 000 неустroенных, в Тургайско-Уральском, Акмолинском и Семиреченском районах – 106 500. В других переселенческих районах численность неустroенных была незначительной [11].

Особенно много неустroенных переселенцев оказалось на Алтае. Положение таких неустroенных часто было довольно тяжелым. Значительная их часть осела в старожильческих селах без приемных приговоров в качестве полетовщиков, с которых старожилы, как правило, брали большую плату. Например, бралась арендная плата за право пасти скот, за усадьбу и земельные угодья. Кроме денежных сборов: 6 рублей оклада, 8 рублей за пользование десятиной пашни, 10 рублей за усадьбу, по 3 рубля за каждую голову рогатого скота, «непричисленные» отбывали еще и натуральные повинности – ремонт и постройку мостов, дорог, городьбу поскотин [12. С. 74]. По данным А.В. Минжуренко, при раскладке «неприписной» уплачивал почти в 10 раз больше приписного [13; 55]. За право жить в деревне семья переселенца платила 20–60 рублей, платились деньги за право проезда по дорогам, пользование водопоями и т.п. [14. С. 289]

Эти факты широко описаны многими исследователями. Мы же обратим внимание на два факта. Во-первых, неустroенные переселенцы ехали на Алтай целенаправленно и абсолютно осознанно. Это следует хотя бы из того, что движение самовольных переселенцев на Алтай стабильно продолжалось в течение нескольких десятилетий XIX и XX вв. Кроме того, на Алтае расселение самовольных не было равномерным. Большая часть из них приезжала в Барнаульский уезд. Например, в деревне Решетовой этого уезда в 1907 г. проживало 417 д.м.п. неустroенных, в деревне Индерская того же уезда – 120 д.м.п. Для сравнения – в 22 деревнях Бачатской волости Кузнецкого уезда в том же году было всего 67 человек неустroенных [15]. Крестьянский начальник 5-го участка Барнаульского уезда 23 сентября 1911 г. отмечал, что на его участке проживает 8 551 д.м.п. приписного населения и 2 571 – «неприписного» [16].

Правительство П.А. Столыпина пыталось ограничить поток самовольного переселения на Алтай путем привлечения крестьян в другие районы, а также путем ограничения полной свободы переселений в 1908–1909 гг. Например, Б.А. Васильчиков и Г.В. Глинка в циркуляре 14 марта 1908 г. отмечали, что ввиду отсутствия запаса переселенческих участков правительство вынуждено прекратить выдачу ходаческих свидетельств. А губернатор Бессарабской губернии Харузин отдал распоряжение: «Примите все меры к предотвращению самовольного переселения и вообще увлечения переселением» [17]. В официальных изданиях для ходоков и переселенцев подчеркивалось, что «самовольные» переселенцы никакими льготами в Сибири пользоваться не будут. В памятке ходаческих свидетельств упоминалось, что свободных земель больше всего в восточных районах Сибири, а в степных частях Томской губернии (на Алтае) свободных участков очень мало [18]. В 1908 г. на железнодорожных станциях были расклеены объявления Томского губернатора, в которых переселенцы оповещались, что свободные земли на Алтае отсутствуют. Поэтому «переселенцы, направляющиеся сюда, извещаются, что отвода участков и сдачи земель им не будет» [19]. Таким образом, самовольные переселенцы хотя бы в общих чертах представляли себе, что на Алтае абсолютно свободных земель почти нет, и, несмотря на это, десятками тысяч ежегодно ехали именно в этот район. Так, к началу 1911 г. 67,49% неустroенных переселенцев Томской губернии проживало именно в Барнаульском уезде [20. С. 284].

Следует отметить, что переселенцы считали свое пребывание в качестве «полетовщиков» временным этапом, в ходе которого они выискивали более выгодные места для устройства. Целью большинства крестьян, самовольно ехавших на Алтай, было устройство в старожильческих селах либо по приемным приговорам, либо в ходе землеустройства. Согласно «Правилам поземельного устройства крестьян, водворившихся на Алтае, и инородцев», «полетовщики» имели право на получение надела при землеустройстве района, в котором они проживали. Главным условием получения надела было наличие самостоятельного земледельческого хозяйства, пусть даже эти полетовщики и не получили приемных приговоров от старожилов. Поэтому переселенцы стремились стать полетовщиками в Барнаульском уезде, где землеустроительные работы еще не были завершены [21. С. 67–68]. По соглашению зав. землеустройством Алтайского округа и зав. Томским пересе-

ленческим районом от 1 июня 1908 г. было решено ввиду большого числа лиц, «не водворенных и не причисленных» в поселках, признать подлежащим наделению все наличное население на одинаковых основаниях со старожилами [22]. Практика наделения земель неустроенных нередко вызывала недовольство старожильческих обществ. Например, поземельно-устроительная комиссия включила в список наделяемых с. Осколковского 35 «непричисленных». Крестьяне этого села потом подали протест, утверждая, что общество на это своего согласия не давало. Но комиссия нашла, что эти «непричисленные» ведут самостоятельное хозяйство и потому имеют право на наделение землей. Общее присутствие позже действия комиссии признало правомочными [23]. Аналогичным образом без согласия общества в с. Георгиевском были включены в список наделяемых земель 73 д.м.п. неустроенных [24].

Всего за время землеустройства на Алтае было наделено землей 198 105 д.м.п. неустроенных, а также оставлено в пользовании старожилов душевых долей на 77 168 д.м.п. с условием доприятия на эти земли переселенцев [25]. Эти примеры позволяют сделать вывод, что чиновники в процессе землеустройства могли отстаивать интересы «непричисленных» переселенцев иногда даже в ущерб интересам старожилов. По оценке В.Г. Тюкавкина, переселенцы, получившие землю в ходе землеустройства, выиграли по сравнению с остальными, так как получили земли в более богатом краю [26. С. 244]. Если учесть качество алтайских земель и неизбежные преимущества при водворении в старожильческие общества, то с этим мнением трудно не согласиться.

Во-вторых, имеющиеся факты позволяют утверждать, что «непричисленные» переселенцы в 1906–1914 гг. отнюдь не были брошены на произвол судьбы правительством. В правительственных кругах фактически существовало два подхода к проблеме неустроенных переселенцев. Первый был обозначен П.А. Столыпиным, который достаточно критично признавал, что наличие таких переселенцев – признак неправильной постановки переселенческого дела. Но, с его точки зрения, устроить «неприписных на пустующих землях – значит достигнуть немногого», поскольку на место устроенных придут другие самовольные. Так, с 1 января по 1 июля 1910 г. было водворено или ушло обратно 50 тыс. д.м.п. неустроенных, а на их место явилось 49 тыс. [27. С. 71]. Иной взгляд на эту проблему обозначил глава ГУЗиЗ Б.А. Васильчиков, который считал, что неустроенных переселенцев предпочтительнее как-нибудь устроить

[28. С. 199–203]. На практике именно этот подход стал определяющим в политике правительства. Так, ежегодно с 1909 г. проводились переписи «непричисленных» во всех районах Азиатской России, выяснялись их экономическое положение и дальнейшие планы по устройству. По первой переписи на 1 января 1910 г., в Томской губернии находилось 80 746 семей (454 142 души обоого пола). После обнародования этих цифр вопрос об их устройстве стал предметом особой заботы Переселенческого управления [29]. В дальнейшем губернские чиновники и сотрудники Переселенческого управления приложили значительные усилия для устройства «непричисленных». Например, в 1910 г. для них было выделено 30 429 душевых долей. Была разрешена выдача ходаческих свидетельств на Дальний Восток [30]. В итоге в 1910 г. в Томской губернии было устроено 27 956 семей. В конце 1910 г. повторная перепись выявила 48 832 семьи неустроенных (268 619 душ обоого пола). В 1911 г. из фонда в 102 000 долей для их обустройства было выделено 34 000 долей. В результате третья перепись в конце 1911 г. определила число «непричисленных» в 33 233 семьи (181 801 человек) [31].

Такая политика правительства получила неоднозначную оценку в отечественной исторической науке. Например, меры по наделению самовольных землями из колонизационного фонда И.В. Островский оценил как «полностью бесплодные». Аргумент: по переписи 1910 г. по сравнению с 1909 г. численность переселенцев в губернии уменьшилась ненамного и составила 264 760 человек [32. С. 141–142].

Такой подход, на наш взгляд, является неверным. И.В. Островский не учитывал, что ежегодно численность неустроенных переселенцев, получавших земельные наделы, была довольно значительной. Например, на переселенческих участках в 1909 г. за Уралом водворено 43 182 д.м.п. (16 347 семей) переселенцев, прошедших по паспортам (т.е. самовольно) [33. С. 7]. В 1911 г. в Томском районе было устроено 46 037 д.м.п. самовольных переселенцев, а в 1912 г. – 27 740 д.м.п. [34. С. 32] В итоге статистическое обследование зарегистрировало к 1 января 1914 г. в пределах Томской губернии 23 818 хозяйств (129 305 д.м.п.) неустроенных [35]. Тот факт, что между переписями 1909 и 1910 гг. цифры уменьшились ненамного, является следствием большого притока новых самовольных переселенцев в 1910 г.

Следует также обратить внимание, что даже в случаях самовольных (т.е. незаконных) захватов

неустроенными переселенцами пустующих земель реакция правительственных чиновников бывала неоднозначной. Можно найти примеры, когда чиновники использовали административную власть или даже полицейский аппарат, чтобы «выдворить» самовольных переселенцев с незаконно занятых земель. Так, в 1909 г. были выселены из Ломовской дачи (Каменская волость, Томский уезд) 350 человек из числа переселенцев и разночинцев, проживающих в г. Новониколаевске. Постановлением Томского губернатора данных самовольцев приговорили к 3 месяцам тюремного заключения и высылке из Томской губернии [36].

Но немало и других примеров. Так, переселенцы, самовольно осевшие в Бобровском бору Кабинета, подали томскому губернатору прошение о наделении их землями этой дачи, причем губернатор П. Гран считал возможным официально возбудить об этом дело [37]. Нередкими были случаи, когда самовольные переселенцы получали под тем или иным предлогом землю в аренду, устраивались, селили рядом своих родственников и знакомых, а затем возбуждали требование об отводе им земель из расчета по 15 десятинам на д.м.п. [38. С. 14]. Часто переселенцы самовольно селились на казенно-оборочных или кабинетских землях, а затем начинали ходатайствовать об образовании из уже занятых ими земель переселенческого участка. Например, в 1906 г. 109 д.м.п. переселенцев из Черниговской губернии самовольно поселились на оброчной статье «Опалихинская» и подали прошение об образовании из этой статьи переселенческого участка. Примечательно то, что зав. переселенческим делом в Томском районе просил управляющего госимуществами в той же губернии «не отказать в данной просьбе» и дать свое согласие на образование переселенческого участка [39]. Другой пример: в 1907 г. на переселенческом участке Марайский (Тюменский уезд) самовольно поселилось несколько переселенцев, а сам участок был образован и утвержден позже – 21 ноября 1909 г. [40] В этом случае примечательно еще и то, что многие переселенцы (6 домохозяев из 14 в списке) имели проходные свидетельства, датированные 1908 г., хотя год водворения указан как 1907. Этому несовпадению есть одно объяснение: в 1907 г. эти переселенцы не имели необходимых документов, а проходные свидетельства получили уже после водворения на участке.

А вот другой пример. На казенных землях самовольно водворилось несколько семей эстонцев, что причиняло неудобство крестьянам с Богословского и с Михайловского (Зырянская во-

лость, Мариинский уезд). Меры, предпринятые Управлением госимуществ Томской губернии по выдворению этих эстонцев, не дали результата «вследствие оказанного этими эстонцами вооруженного сопротивления уездной полиции». Реакция того же Томского губернатора на эти события была такой: в переписке с начальником Управления земледелия и госимуществ Томской губернии он задает вопрос: «Прошу... о сообщении мне сведений о том, в каком положении в настоящее время находится вопрос об оставлении в пользовании крестьян-эстонцев Г. Михкельсона, Ю. Роза, Я. Меуса и др. земли, уже занятой ими в качестве переселенцев, – в пределах Зырянской и Колыванской волостей Мариинского уезда». Далее от управляющего земледелием и госимуществами Томской губернии последовал запрос Закийскому лесничему (июль 1913 г.): «Ввиду... большого домообзаводства эстонцев... не представляется ли возможным устроить эстонцев на занятых ими землях?». В том же деле есть данные, что указанные эстонцы не только оказали вооруженное сопротивление, но и большинство из них занималось самовольным винокурением, но «...благодаря тому, что эстонцы оказывают вооруженное сопротивление, их пока оставляют в покое». Несмотря на явные нарушения закона, 26 октября 1913 г. Управление земледелия и госимуществ сочло возможным оставить самовольно поселившихся эстонцев на занятых ими землях на правах аренды [41].

Вопреки устоявшимся в отечественной науке стереотипам, мы можем привести примеры искренней заботы чиновников о самовольных неустроенных переселенцах. Так, в циркуляре ГУЗиЗ заведующему переселенческим делом в Тобольском районе (1912 г.) отмечалось: «От работы чиновников наших по водворению зависит успешное устройство сотен хозяйств и удача их дальнейшей судьбы. Обращаю внимание ваше на всю важность самого энергичного и внимательного отношения подрайонных к водворению... желающих получить устройство в районе. Именно эту работу заведующих подрайонами я считаю главным мерилом их служебного усердия». Далее в циркуляре приводится пример Акмолинского района, где для «непричисленных» были особые объявления о свободных участках с адресами чиновников, а также списки участков со свободными долями. «Пример этот достоин подражания», – завершает чиновник. В циркуляре зав. переселенческим делом в Тобольском районе от 30 июля 1912 г. было отмечено, что зачисление и водворение пришедших по паспортам и временно проживающих в

районе (т.е. «самовольных») должно совершаться безотлагательно и притом по возможности на тех именно участках, об устройстве на которых ходатайствуют просители [42]. Зав. переселением и землеустройством в Томском районе 24 августа 1913 г. направил крестьянским начальникам и переселенческим чиновникам своего района циркуляр, где заметил, что неустроившиеся переселенцы нуждаются «в особой о себе заботе со стороны чинов, заведующих водворением». При этом было подчеркнуто, что чиновники «обязаны не только разъяснять безземельному населению, что они могут рассчитывать на устройство в областях и губерниях, где имеется большой запас свободного земельного фонда, но и оказывать им возможное законное содействие» [43]. 21 февраля 1913 г. вышел Высочайший манифест, по которому все крестьяне-домохозяева, переселившиеся без надлежащего разрешения и получившие в Сибири земельное устройство, получали все льготы легальных законных переселенцев [44, 45].

Все эти факты наглядно показывают, что нельзя оценивать деятельность чиновников в 1906–1914 гг. только негативно. По крайней мере, часть правительственных служащих считала своим долгом принимать все меры по устройству самовольных переселенцев. Безусловно, несмотря на все старания чиновников, полностью устроить всех неустроенных до 1914 г. не удалось. Но это было и следствием нежелания самих «непричисленных» покидать понравившиеся им места. Значительная часть таких переселенцев имела собственное жилье, частичное, а иногда и полное домообзаводство. Некоторые семьи держали скот, в том числе и крупный рогатый. Многие имели свой покос и посев, причем посевная площадь иных «непричисленных» не уступала размерам наделов некоторых легальных переселенцев или старожилов [20; 289–292]. Таким переселенцам трудно было оставить свое домообзаводство с тем, чтобы переводиться уже на правах легальных переселенцев на переселенческих участках. Так, в 1909 г. для самовольных во всех районах Азиатской России был предоставлен фонд емкостью в 200 374 душевые доли, но они зачислили за собой менее половины – 93 735. Из проживавших к 1 августа 1909 г. в Тургайско-Уральском районе из 30 663 д.м.п. «непричисленных» зачислили за собой землю на предоставленных им переселенческих участках лишь 15 354 д.м.п. Остальные 15 309 д.м.п. этим шансом не воспользовались, предпочитая (как многие из них заявляли) выжидать более благоприятного момента, когда им будут предоставлены для зачисления доли в местах их проживания [33; 4–5].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: в правительственной политике на рубеже XIX–XX вв. следует выделить противоречивое отношение к самовольным переселенцам. Формально правительство пыталось бороться против самовольных переселений, фактически в секретных циркулярах предписывалось наделять (хотя и с оговорками) неустроенных земель. В годы столыпинской переселенческой политики правительство продолжило этот курс. Для устройства самовольных переселенцев выделялся значительный колонизационный фонд, многие из них получили землю в ходе землеустройства в старожильческих селениях. Результатом этого стало значительное сокращение численности неустроенных переселенцев. Полностью эту категорию населения устроить не удалось во многом по причине нежелания самих переселенцев покидать понравившиеся им районы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX века и начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. С. 83–136.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 20. Л. 35.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 46. Д. 1102. Л. 80–80об, 92–92об, 117–117об.
4. Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб., 1910. 85 с.
5. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917). Новосибирск, 1973. 264 с.
6. Сибирские переселения. Документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1. 198 с.
7. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 107. Л. 15–16.
8. Жидков Г.П. Переселенческая политика Кабинета в 1865–1905 гг. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 365–374.
9. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 года). СПб., 1909. 698 с.
10. Захарова Н.В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 23 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3006. Л. 35–35об.
12. Тютюкин В.И. Социально-экономическое и правовое положение неприписанных переселенцев на Алтае в 1907–1914 гг. // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977. С. 74.
13. Минжуренко А.В. Непричисленные переселенцы Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск, 1978. С. 40–70.
14. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. 412 с.
15. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФК). Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 2853. Л. 4, 6.
16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 47. Д. 640. Л. 279–279об, 314.
17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 47а. Л. 19, 132–132об.

18. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГУТО ГАТО). Ф. И-49. Оп. 1. Д. 1567. Л. 71–71об., 122.
19. *Сибирская газета*. 1908. 10 окт.
20. *Нагнибеда В.Я.* Не приписанные переселенцы Томской губернии в 1910 году // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 289–292.
21. *Томский* переселенческий район в 1907 году // Сибирские вопросы. 1908. № 23–24. С. 66–79.
22. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 70. Д. 460. Л. 421.
23. *ЦХАФАК*. Ф. Д-65. Оп. 1. Д. 227. Л. 9–9об.
24. *ЦХАФАК*. Ф. Д-65. Оп. 1. Д. 225. Л. 54.
25. *РГИА*. Ф. 468. Оп. 44. Д. 645. Л. 30.
26. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. 304 с.
27. *Кривошеин А.В., Столыпин П.А.* Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб., 1911. 170 с.
28. *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина. Сборник документов и материалов. М., 1973. 335 с.
29. *ГАТО*. Ф. 239. Оп. 1. Д. 93. Л. 7–7об.
30. *РГИА*. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3006. Л. 35.
31. *ГАТО*. Ф. 239. Оп. 1. Д. 93. Л. 8–8об.
32. *Островский И.В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. 309 с.
33. *Итоги* зачисления и водворения переселенцев за 1909 год. СПб., 1910. 183 с.
34. *Переселение* и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб., 1913. 331 с.
35. *ГАТО*. Ф. 239. Оп. 13. Д. 2. Л. 3.
36. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1794. Л. 8, 20–21.
37. *РГИА*. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 42. Л. 51–52об.
38. *К вопросу* о землеустройстве на Алтае и земельной политике Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Барнаул, 1912. 25 с.
39. *ГАТО*. Ф. 240. Оп. 1. Д. 550. Л. 73.
40. *ГУТО ГАТО*. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 184. Л. 38–44.
41. *ГАТО*. Ф. 240. Оп. 1. Д. 43. Л. 23–24, 28, 52, 73об.
42. *Государственный архив* Омской области (ГАОО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–28об., 111–111об.
43. *ГАТО*. Ф. 315. Оп. 1. Д. 5а. Л. 146–146об.
44. *ГАТО*. Ф. 239. Оп. 9. Д. 25. Л. 77–77об.
45. *ГАОО*. Ф. 47. Оп. 1. Д. 9. Л. 100–100об.